

ИВАН ЛАНКОВ

КАПРАН СЕРОВ:
ГОД 1757

Иван Ланков
Красные камзолы.
Капрал Серов: год 1757
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/67962353>

Красные камзолы. Капрал Серов: год 1757: Издательство АСТ;

Издательский дом «Ленинград»; М.; 2022

ISBN 978-5-17-148773-7

Аннотация

<p>Год 1757-й. Капрал в золотых галунах отправляется вместе со своим полком на войну. Что ждет его там? Победа? Слава? Сержантский позолоченный протазан?</p> <p>Тут бы с хозяйством разобраться. Пуговицы, пряжки, жалованье и тысячи других мелочных поводов поссориться с интендантами, командованием и солдатами своего и чужих капральств... Где уж там думать о генеральстве!</p>

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Иван Юрьевич Ланков
Красные камзолы.
Капрал Серов: год 1757

*Автор благодарит Михаила Андреева и Полину
Каменецкую за помощь в работе над книгой.*

© Иван Ланков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

«Здравствуйте, мама и папа!»

У меня все в порядке. Условия на вахте хорошие, есть столовая, душевая, теплые бытовые помещения. Работа интересная, мне нравится. К сожалению, сотовой связи здесь нет, потому устроить конференцию по видеосвязи не получится. А выходить через спутник я смогу, только когда стану большим начальником и буду почаще бывать в городе. Но это и к лучшему. Ведь когда еще в наше цифровое время появится возможность получить настоящее бумажное письмо!

Так как это бумажное письмо, то, по законам жанра, я должен вам сейчас написать про погоду. Но не буду, потому как иначе мама будет волноваться. Да и какая тут может быть погода? Полярная ночь – и этим все сказано. Причем ночью на точках народу очень много. Практически все работы происходят зимой, в полярную ночь, когда по замерзшему грунту можно раскатать зимник, по которому большие тягачи смогут таскать большие грузы. Трансформаторы там всякие, столбы, катушки с проводами... ну что я вам рассказываю, сами все знаете.

На самом деле со стороны, в описаниях и на фотографиях все это выглядит гораздо страшнее, чем если жить здесь и смотреть своими глазами. Север – он не злой. Со своими осо-

бенностями, которые могут показаться городскому жителю неприятными, но в целом очень приятная земля.

Зарплату платят исправно, спецодежда качественная, натуральная, теплая и экологически чистая. Места здесь тоже очень даже полезные для здоровья. Первозданная природа, свежий воздух. Знаете, здешние старожилы говорят, что, если приехал на Север и не сбегал через неделю – значит, это на всю жизнь. Местные говорят, что бывших поллярников не бывает. И я их понимаю. В покорении Севера есть что-то такое... завораживающее, что ли. Все эти зимники, вертолетные площадки и наглые, разбалованные местные олени... я словно в другой мир попал. Да, пожалуй, так и считайте – ваш сын, мол, попал в другой мир. У меня появилась интересная работа, новые друзья. А еще у меня теперь есть возможность похвастаться, что я оказался там, где никто из моих знакомых никогда не был и вряд ли когда-нибудь будет.

Хочу сказать, что я благодарен вам за все те знания и умения, что вы успели вложить в мою бестолковую голову. Как выяснилось, я далеко не самый бездарный человек, и это целиком и полностью ваша заслуга.

Когда вернусь – не знаю. Вахты по моей должности идут полгода и полтора года. Людей не хватает, сами понимаете. Потому руководство настоятельно упрощивает меня остаться еще на один сезон. Но за меня не беспокойтесь, у меня все хорошо. И в чем-то я даже счастлив. Ведь я участ-

вую в большом деле, о котором потом много лет подряд будут писать в учебниках истории.

Буду писать по возможности. Если от меня полгода нет вестей – не переживайте. Отправка корреспонденции тут нерегулярная. Да и на тему писать письма я не большой умелец, уж извините.

Желаю вам крепкого здоровья! Привет брату!

Ваш сын Георгий».

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Синево! – провозгласила женским голосом электричка, и вагон дернулся, набирая ход.

Я свернул листок и положил его обратно в конверт.глянул адрес отправителя и с удивлением посмотрел на толстого мужика напротив.

– Это где вообще?

Толстяк махнул рукой.

– А, не бери в голову. Если вдруг попробуют нагрнуть в гости – то переведу тебя на другой адрес. Мало ли таких точек на Севморпути? Но в целом-то как? Нравится письмецо-то? По стилю похоже будет?

Я пожал плечами:

– Ну, почерк точно мой. А стиль... не знаю. Никогда не писал бумажных писем.

– Ну ничего. Научишься. Было бы желание. Да, малец? Есть оно – желание-то?

Мне стало немножко стыдно. Все-таки родня. Как они там?

– И сколько ты уже таких писем послал?

– Это уже второе. Как и договаривались, письма буду слать каждые полгода.

Я отвернулся к окну вполоборота и спросил, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

– А какой-нибудь ответ получить можно будет?

Молчит.

Вздохнул, повернул лицо и напоролся на тяжелый взгляд желто-карих глаз. Добродушная улыбка с лица мужика куда-то пропала.

– Нет.

– Почему?

– Потому что.

Вот как?

– Очень информативно.

– Они еще не родились, малец. И от тебя зависит, родятся ли вообще.

Я вскинул брови и покосился на конверт.

Мужик махнул рукой и выхватил у меня письмо.

– Ты, малец, голову-то себе парадоксами не забивай. Говорю – с твоими все в порядке, письмо они получают. Веришь?

Мне стало как-то неприятно. Грубо отвечаю:

– А ты не Господь Бог, чтобы тебе верить.

Мужик поперхнулся, быстро достал из нагрудного карма-

на грязный носовой платок и шумно высморкался. Откашлялся в сторону, протер ладонь платком и сказал:

– Ну смотри сам. Я свою часть уговора блюду. Ты уж тоже постарайся, хорошо?

Пожимаю плечами. Будто у меня выбор есть, ага.

– Куда ж я денусь. Что там? Шпиона поймать надо или еще чего?

Думал – заржет в своем фирменном стиле, ан нет. Он изобразил на толстой морде нечто вроде смущения и, глядя в сторону, проговорил:

– Да я и сам не уверен. Видишь ли, какая штука. Один из игроков сделал ход. Да такой, знаешь, на тоненького. Ну вот как я Чичагова от воспаления легких твоими руками спасал, так и этот что-то такое делает. Что-то мутит, мутит... А я все в толк не могу взять, что именно. Если честно – я бы даже не догадался, что на моей земле играют. Просто недавно обратил внимание, что у меня появилось право на ответное вмешательство. Ответное, понимаешь? А на что отвечать, скажи мне? Это не дуболом Юнас, не боевик с кучей приметных инородных вещей. Какой-то уж очень хитрый субчик...

Мужик допил банку, одним движением смял ее и бросил под сиденье. М-да. Все-таки он не меняется. Аккуратность и чистоплотность – не его стиль.

– От меня-то чего хочешь, старый? Я, знаешь ли, намеков не понимаю. Молодой, глупый, все дела. Ты уж как-нибудь поконкретнее цели ставь, что ли!

Толстяк снова не принял шуточный тон. Посмотрел все так же тяжело, придавливая взглядом. Потом залез во внутренний карман куртки, достал смятую бумажку, небрежно расправил ее и показал мне.

– Знаешь его?

На листке синей шариковой ручкой был сделан достаточно неплохой шарж. Знакомое лицо. Круглое, щекастое, в парике с буклями...

– На генерала нашего похож, Василия Абрамовича. Я, правда, его только издалека видел...

– Верно, малец. Он самый, Василий Абрамович Лопухин. И племянница его, Машка. И еще зятек, Петрушка Черкасский. Где-то рядом с ними трется чужак. Они его знают в лицо. Они с ним разговаривали. Он уже как-то влияет на их судьбы. И мне это очень не нравится, малец. Очень.

Чего он хочет-то, не пойму?

– Мне что, этого чужака найти, поймать и убить?

Мужик поморщился.

– Ишь какой боевик-убивальщик нашелся! Ты хотя бы просто мне информацию какую-нибудь дай. Что да как, да почему. Я, малец, никак в толк взять не могу, что происходит. Нутром чую, что какая-то муть вокруг Лопухина творится, а что, к чему да почему – не понимаю. И мне это, знаешь ли, совсем не нравится.

Ого! Это он серьезно?

– И как я, простой солдат, буду следить за генералом? Ты

в своем уме, старый? Тем более он даже не в нашем городе!

Мужик невесело усмехнулся в грязные засаленные усы:

– Помнишь анекдот? Ну этот, где сова такая: «Мыши, станьте ежиками»? Я, малец, стратегические вопросы решаю. А ты уж как-нибудь постарайся, очень тебя прошу. Поможешь?

– Станция Синеве! – объявил женский голос, и электричка начала сбавлять ход.

Глава 1

Стаканчик с костями с глухим стуком ударил по столешнице. Столпившиеся вокруг люди невольно подались вперед, чтобы рассмотреть выпавшие на гранях кубиков значения. Раздался вздох разочарования.

– Три плюс два! – довольно осклабился ундер-офицер Максим Годарев и подгреб к себе банк.

Ундер-офицер Ефим Иванов в сердцах шлепнул своими огромными ладонями по столу.

– Да чтоб тебя!

Заскрипели скамейки, вскочившие было игроки с ворчанием рассаживались обратно по своим местам.

В большом и просторном зале кухмистерской было холодно, душно и накурено. Света от масляных коптилок едва хватало, чтобы рассмотреть лица друг друга, а от часто открываемой входной двери регулярно сквозило. Но зато здесь была возможность сдвинуть несколько столов один к одному и устроить посиделки ротных ундер-офицеров, которые за эту зиму стали уже традиционными. Хозяин заведения – одноногий калека, не так давно списанный из армии по увечью – был хорошим знакомым Архипа еще по свейской войне. Поэтому капралы и ундера всего нашего батальона столовались именно тут. Да и готовили здесь хорошо, чего греха таить. Даже картошку подавали. Мелкую, как по мне, но – картош-

ку! Как же я по ней соскучился! А местные ее не жаловали. Они вообще консервативны в плане еды, экзотика у них не в чести. Не только картошку не едят, но и яблоки.

Яблоневые сады сейчас активно высаживают по всей России. Сами яблоки стоят дешево, потому что их особо никто не покупает. Нет привычки. Думают, мол, очередная блажь власть имущих, нехай они это все и едят. Я ж не буду им говорить, что яблоки станут главным фруктом в стране. Это сейчас они мелкие и кислые. А через двести лет будет огого! Как и картошка окажется главным овощем, а эту вашу репу позабудут, как страшный сон. Впрочем, пусть их. Мне больше достанется.

Да, я стал завсегдатаем таких посиделок. Нет, я не пристрастился к игре, хоть и играл вместе со всеми. К выпивке и табаку тоже пока оставался равнодушным. Просто... Солдатам нужен отдых. Хотя бы пару часов вечером. А при начальстве, знаете ли, не расслабишься. Особенно если это начальство – капрал. Капрал – он злой. Он муштрует. Он бьет. Он постоянно придирается к каждой мелочи, от пуговиц и выправки до знания артикула и экзерциций. Даже если капрал покровительственно похлопает по плечу и скажет: ну чего ты, мол, Степа, жмешься? Мы ж с тобой из одного котла ели! Степан, разумеется, вежливо улыбнется и даже поддержит разговор. Но все равно не расслабится. Конечно же мы со Степаном ели из одного котла. Только вот тот криво-рукий калич из Шлиссельбургского полка, над которым Сте-

пан поставлен «дядькой» – он сегодня снова накосячил. И ему влетело. И Степану неудобно. А еще Степан знает, что шлиссельбургский накосячит и завтра. И послезавтра. Это полено еще тесать и тесать, такого за день не воспитаешь.

Поэтому Степан напряжен. И разговор ведет так, чтобы и меня отвлечь рассказом о том, чему научился у пушкарей, и в то же время загородить спиной бестолкового новичка. Чтобы я не увидел, значит, как он снова рукавом нос вытирает.

Да и Сашка тоже. Я ж ему тут втащил недавно. Потому что... Короче, между мной и ребятами моего прошлогоднего шестака образовалась дистанция. И по вечерам я ухожу, оставляя их наедине с собой. Чтобы они могли расслабиться и спокойно поужинать, не опасаясь очередной выволочки. Да уж. А ведь прошлой весной, там, в учебном лагере в Луге, я еще удивлялся. И куда это, мол, старые солдаты с капралами сваливают после обеда? И еще радовался, помню. Наконец-то ушли, хоть ноги отдохнут! А теперь вот и я ухожу. И другие капралы и ундера роты тоже уходят. Потому что у остальных капралов ситуация в капральствах примерно такая же. Эти шлиссельбуржцы... они ж никакущие! Настолько унылые солдаты, что Степан – вместе со мной в рекрутской команде был год назад, если что – становится «старым солдатом» над шлиссельбуржцем пятого года службы. И да, Степану есть чему учить этого недоумка. Вот же порадовали нас пополнением, а?

А ведь еще летом наша рота числилась лучшей. Да и без

ложной скромности можно сказать, что и являлась таковой. Лучшей.

А потом... В октябре его сиятельство граф Шувалов объявил о создании Обсервационного корпуса. В который было велено собрать лучших солдат со всех полков. Если учесть, что в марте уже собирали лучших солдат в гренадерские роты взамен тех лучших солдат, что были отобраны на формирование гренадерских полков... А все равно, найди да пред оставь. Будто у нас тут фабрика по производству лучших, ага. В полках и так некомплект из-за того, что рекрутский призыв пятьдесят четвертого года оказался с недобором, а внеочередной призыв пятьдесят шестого года и вовсе провалился из-за эпидемии в этих новомодных учебных лагерях графа Шувалова. Причем в другом лагере, том, что в Великих Луках, так и вовсе случилось восстание рекрутов, которое пришлось давить войсками. Это нам один из киевских кирасиров по секрету рассказал, про восстание-то. Да и вообще слухами земля полнится.

Нет рекрутов – нет пополнения. Людей не хватает даже заполнить штат. Но при этом – вынь да положь, да непременно лучших, ага.

Проблему некомплекта людей в линиях граф Шувалов придумал решить простым переводом нестроевых в строй. А че? Людишки – они и есть людишки, какая разница-то? Так что вот этих всех возниц, денщиков, мастеровых – и в строй. На бумаге это почти полторы сотни человек. Хватит, чтобы

закрыть большую часть штата. Ага. А то, что в реальности нестроевые – это или бестолковые недоросли, которым по молодости лет еще рано в линии стоять, или совсем уж седые старики, постарше нашего Семена Петровича... Его сиятельству графу Шувалову такие мелочи неинтересны. Решение он нашел, а дальше вы как-нибудь сами. Взамен он обещал в качестве нестроєвых прислать малороссов гетмана Разумовского. Мол, договоренность уже есть, так что ждите, все будет... когда-нибудь. Ну-ну. А в памяти-то еще свежи рассказы о летних событиях в Польше, когда слобожанские и малоросские казачки начудили так, что генерал Апраксин приказал их срочно отвести на восток, во избежание. И вот теперь их же сородичей поставить к нам на полковой обоз? Прекрасное решение нашел его сиятельство, ага. Дивизионное начальство прям ножками сучит от восторга.

И так-то вроде все эти рескрипты Конференции выходили постепенно, по чуть-чуть. И там, в Лифляндии, дивизия особо и не нервничала по их поводу. Так же по чуть-чуть исполняли или не исполняли. Спокойно, в рабочем режиме. А вот мы... На нас все это счастье свалилось разом, в один момент, в январе, вместе с явлением в полк нового командира, полковника Вильгельма Лебеля. Полковник пришел, сделал назначения на должности и повышения в чинах, а потом достал из сундука толстую пачку накопившейся корреспонденции и... полк затрясло в лихорадке реформ.

Шлиссельбургский полк, который летом развалился на

куски из-за проблем с руководством, большие начальники из Петербурга решили сделать учебным, а опытных солдат из него раздать на пополнения. К нам из того полка пришло почти четыре сотни человек. А две с лишним сотни людей – лучших, разумеется, в нашем полку негодных нет – отправились служить в Обсервационный корпус. Еще обещали прислать на пополнение полсотни ландмилиционеров из Нижнего Новгорода, но, как известно, обещанного три года ждут.

Итого по личному составу в целом нарисовалась следующая картина. Полк весной потерял две сотни своих гренадеров, взамен летом получил три сотни рекрутов – это та команда, с которой прибыл и я. Потом потерял три сотни рядовых, отданных Шувалову, обратно получил еще четыре сотни «шлиссельбуржцев». Получается, что каждый третий солдат в полку – новичок, зимующий в полку первую зиму. Да и качество новичков... Или бестолковые рекруты, или горькие пьяницы и прочий сброд, от которых их прежний полк избавился без малейшего сожаления.

А я, например, хоть и капрал, но все равно по сравнению со старослужащими еще зеленый салага. Хотя бы потому, что для меня это тоже первая зимовка не только в полку, но и в армии вообще. А зимой солдаты живут не совсем так, как летом. Есть некие особенности, знаете ли.

Так вот. С рекрутами-то все ясно. Новички – они всегда новички, и есть устоявшийся шаблон, как именно их обтесать под службу. А вот шлиссельбуржцы...

Те, кого нам отдали из Шлиссельбургского полка – это, конечно, что-то с чем-то! Больные, тощие, битые-перебитые, глаза у кого потухшие, у кого одичавшие, одеты все в обноски... Имущество полка они в полку же и оставили, пришли к нам без ничего. При том, что те наши, кого граф Шувалов забрал в Observационный корпус, – они обязаны были идти уже полностью упакованными. Так не принято, ведь полковое имущество принадлежит полку, а не солдату... Но кто воспротивится графу Шувалову? Полковник Макшеев? Так ему до нашего полка уже и дела нет, он теперь гражданский чиновник. Новый полковник? Так он иностранец, еще не вник в местные особенности. Потому сейчас играет педанта. Что велено – то и делает.

Но это еще не все наши несчастья. Есть еще одно, имя которому – капитан Алексей Андреевич Нелидов. Новый командир роты. Произведен из гвардейских сержантов в капитаны и выслан в войска. Такой вот подарочек. Преображенец с лицом и повадками горького пьяницы – прошу любить и жаловать, ваш новый командир. В роте он появляется нечасто, почти все время проводит в штабе батальона при майоре Небогатове. Наверное, учится и стажирруется. Все ж капитанская работа – ее знать надо. Ну или пьет. Или и то и другое сразу. А ротные дела все так же решает поручик Нироннен. Разве что с поправкой на редкие набег Нелидова с ворохом сверхценных советов и спесивой критики. Ох, научаемся мы еще с ним, нутром чую!

М-да. А мое капральство...

– Как дела, Жора? – спрашивает меня крестный. С заботой так спрашивает, с участием.

Он – ундер-офицер, у него полномочий побольше, чем у меня. Может по-свойски подсобить, если вдруг надо чего, да не доводя до ушей поручика Нироннена. Ну там, мало ли что. Но я пока его ни о чем не просил. Эта глупость еще успеется.

Встречаемся мы, считай, каждый вечер. Кроме тех случаев, когда мое капральство заступает в караул. Над нашей полуротой за старшего – ундер-офицер Годарев, капральства из полуроты Ефима заступают в другую смену. Потому видимся вот на таких ундерских посиделках в кухмистерской знакомца Архипа.

Собираемся, ужинаем, обсуждаем текущие дела и планы на завтра, решаем рутинные вопросы – ну, мало ли, кто из солдат занемог и его подменить надо на работах или в караулах. Играем в кости по малым ставочкам. У нас тут все по-свойски. Кто выиграет – тот за всех и платит. В целом выходит вроде каждый за себя расплатился, а вроде и поиграли с азартом. Я, правда, не выигрывал еще ни разу. Обыгрывать по комбинациям мне по сроку службы не положено, а шанс выпадает редко, и, как правило, не в тему.

Шанс – это комбинация, когда из пяти костей у всех разные значения. В тех правилах, по которым играем мы, шанс – самая высокая комбинация. Выше, чем пять одинаковых

значений. Правда, только в том случае, если выпадает с первого броска. Если со второго или третьего – то считается лишь одна костяшка старшего значения.

Так и играем. Ставка, потом бросок, оставляешь на столе понравившиеся костяшки и можешь сделать еще два броска. Потом отдаешь стаканчик следующему. Те, у кого одинаковые значения – играют между собой, пока не останется только один. И вот самый смак игры, когда в финале человек с трех бросков собирает, к примеру, четыре одинаковых, а его оппонент с первого же броска выбрасывает шанс. О, какой тут случается всплеск эмоций! Крики, вопли, обида, восторг, зависть, восхищение, требование пересмотреть правила... Шанс – он такой. Кто-то старается, разрабатывает стратегию, выполняет суеверные ритуалы перед каждым броском, а кому-то просто повезло.

В паузах между партиями травим байки. Максим Нилыч Годарев, как человек образованный и дворянин, рассказал мне, что слово «азарт» произошло от слова «зар», что означает – «игральная кость». Оно проделало длинный путь от арабов к испанцам, от испанцев к французам, а оттуда уже к нам. Я в ответ рассказываю, что слово «шанс» по-французски означает всего лишь – «бросок».

Я самый младший из тех, кто сидит за столом. Не по званию, по возрасту. Потому больше слушаю и запоминаю, сам же говорю мало. Редко когда удается вставить свои пять копеек, чтобы было в тему и не напрягло старших. Ну а ста-

рые капралы с удовольствием дают советы и травят наставительные байки. Оно же приятно, когда вроде бы за столом все равные, но есть тот, перед кем можно выпендриться, рассказывая поучительную историю. А я что? Мне несложно. Киваю в нужных местах, восхищаюсь там, где от меня этого ждет рассказчик. Знания лишними не будут.

Стаканчик передают мне. Встаю, двигаю в банк в центре стола медную монетку. Трясу костяшки, переворачиваю, бью об столешницу. Убираю стакан. Ага, две единицы оставляем, остальные кубики обратно в стакан. Еще. И еще. Ну вот, две тройки выпало. Два плюс два – ничего так, средняя комбинация. Передаю дальше и сажусь на место.

Спрашиваешь, как у меня дела, крестный? Так и хочется сказать, что хреново у меня дела. Проблем вагон и маленькая тележка.

Вот, к примеру, из вечного: деньги. Жалованье, еда, дрова, солома – на все нужны деньги. А потребности капральства зимой чуть выше, чем позволяет жалованье. Летом-то мы никаких приготовлений не сделали. А даже если бы и успели чего – новички все равно бы все свели к нулю. Да и тем, кто уходил, надо было с собой чего-нибудь в дорогу собрать. Знаем мы интендантов графа Шувалова, наверняка там в этом новообразованном корпусе из имущества только обещания.

В общем, туго с деньгами. В декабре даже думал пойти к Стродсу и попросить своих денег, чтобы из них покрыть

нужны капральства, но Семен Петрович отговорил. Не надо, говорит, свое вкладывать в служебное. Во-первых, не окупится. А во-вторых, то, что ты сегодня делаешь просто, чтобы помочь – завтра от тебя будут требовать. Так что будь любезен, изыщи возможность в рамках службы. Да и майор Стродс был злой как собака. Полковая казна пуста, долговых расписок хоть печь топи. Так что мне за то мое золото большая человеческая благодарность. Впрочем, я не в обиде. Легко пришло – легко ушло. Да и не мое оно было, если быть совсем откровенным. Послужило хорошему делу – и то хлеб.

Но тем не менее, кроме большого человеческого спасибо, майор Стродс нашел для меня еще и чуть-чуть возможностей. Починять крыши – не самое прибыльное дело, зато в наших силах. Так-то самое прибыльное – это стоять постом у переправы через реку Великая, на входе в город. Зима, снег, реки встали, дороги превратились в отличный санный путь, по хозяйству хлопот почти нет – самое время для торжища. Купцы, купчишки и просто деловитые крестьяне стекаются в Псков со всей окрестности, а то и из других регионов. Разумеется, нужно следить, чтобы никто торговый люд не обидел. Внимательно так следить, ага. А торговый люд – он такой, благодарный. Обязательно вознаградит служивого за старание. От чистого сердца, так сказать, прими, не побрезгуй.

Но это место было крепко занято ундер-офицером Фоминым и ундер-офицером Ивановым, который Ефим. Другим там ловить нечего. Разве что плетей, если поймают вдруг за

руку какого-нибудь гада окаянного, что смеет с честного торговца мзду вымогать.

В январе наконец-то раздали жалованье, секунд-майор Стродс и его каптенармусы быстро подсуетились, сменяли на звонкую монету многочисленные долговые расписки, и вроде как жить стало легче. В плане финансов и снабжения.

Но вот пришли шлиссельбуржцы, и началась большая полковая реформа. С трех батальонов о пяти ротах полк уменьшался до двух батальонов с четырьмя ротами каждый. Третий батальон полулегально теперь считался учебным и, по предварительным планам, на кампанию должен был остаться во Пскове, вместе со всеми негодными к походам старыми солдатами. Плюс отдельно инженерная полурота и одна полурота в помощь и охрану пушкарям. То есть полк теперь состоял из девяти рот. Зато полного штаба, по двенадцать дюжин мушкетеров и полным комплектом капралов и унтеров. Разве что офицеров некомплект, но эту проблему обещали решить к весне. А мне выделили под командование свое собственное капральство. В его состав вошла дюжина солдат из бывшего капральства Ефима, Семен Петрович и дюжина этих, пришлых. Наслаждайся, Жора.

Проблема денег снова встала в полный рост. На амуницию каждого солдата положено выделять сорок рублей в год. А это на дюжину моих шлиссельбуржцев – без малого пять сотен. Камзол, кафтан, башмаки, епанча, мушкет, огнеприпас по стандарту военного времени. Даже если бы я стребо-

вал у майора Стродса свое золото – все равно не хватило бы. Но полковой квартирмейстер помнит добро, и ротный каптенармус пообещал, что первыми, кто получит мундиры от полковых портных, будут мои сиротинушки. Но когда это еще будет? Скоро февраль, мороз вдарит так, что и в кафтане-то околеешь, а мои оборванцы до сих пор по Кромю шляются в драных армячках. На солдат они похожи только потому, что у них на головах треуголки, а не шапки-литовки или треухи, как у обычных горожан. Впрочем, в зимнее время года вполне позволялось дополнительно утепляться. Надеть меховую жилетку под кафтан или на кафтан не считалось нарушением формы одежды. Если, конечно, в городе нет каких-нибудь важных шишек из столицы.

А еще у меня сразу не заладились отношения с одним из моей шлиссельбургской дюжины, с Кирилой Белкиным. Он такой... наглый, в глазах постоянно насмешка, говорит все время со шпильками да подколками. За одиннадцать лет в армии это у него уже третий полк. Сначала был во Владимирском, потом его под благовидным предлогом – лучший солдат, а как же! – перевели в Шлиссельбургский, где он и демонстрировал свой неуживчивый характер еще пять лет. А тут вдруг такая оказия – можно снова помочь хорошим людям, предоставив им лучших солдат!

Белкин... И формально-то вроде его даже упрекнуть не в чем. Ну мундир на нем сидит чуть-чуть расслабленно, но в рамках приличий. Во фрунт тянется вроде бы, как положено,

разве что самую малость голову наклоняет эдак... И вроде все нормально, но все равно остается впечатление, что он постоянно надо мной насмехается. И смотрит так, будто он все знает и умеет, а я молокосос и недотепа, и его просто забавляют мои потуги показаться большим начальником... Иногда даже артикул воинский цитирует, как заправский Капитан Очевидность. Не мне, конечно, а как будто рядом сидящему солдату... Но все равно эдак с подковыркой. Грамотный, ишь ты. Прибил бы гада.

И еще Сашка. Я ж ему за что в лоб засветил-то фирменным ударом Ефима? А у меня просто выбора не было. Сашка – он же маленький, но вредный. Хулиган и забияка. Когда шлиссельбуржцев зачислили в мое капральство, Сашка сразу начал показывать пришлым, что он вроде как со мной на короткой ноге и что в капральстве он не прыщ, а шишка.

Ну и как-то раз сидели в доме, шили, всякой вечерней мелочью занимались, и вдруг вздумалось ему начать пришлых задирать. В своем фирменном стиле – дерзко, обидно. Да еще и при мне. И еще так оглядывается исподтишка – вижу ли я? Ну мало ли, вдруг его выручать придется, успею ли?

А я смотрю – придирается-то по пустякам. До столба докопался. Где вас таких, мол, учат, что шило в руках держать не умеете. У нас в Кексгольмском полку таких вот, как вы... И понес, и понес! Язык что помело!

И Белкин этот, смотрит так... В общем, чую, сейчас Сашку будут бить. На глазах у меня и у остальных. Причем так-

то бить за дело, но... пришлые бьют местного? Нельзя такого допустить. А что, разрешить мелкому шкету разводить де-довщину только на том основании, что он с капралом вась-вась и типа приближенное лицо? Тоже нельзя. Вот и пришлось мне прописать Сашке в лоб до того, как он прохватит-ся от Белкина с шлиссельбургскими и спровоцирует большое побоище внутри капральства.

Сашка встал, утерся, вытянулся во фронт и испросил разрешения выйти. Ну иди, чё. Обиделся, ишь ты. На обиженных воду возят! А в комнате тишина повисла. Ни старички, ни новички ничего не говорят. Даже Семен Петрович промолчал. Только у Белкина такое насмешливое выражение на лице, будто я все равно ошибся. Ведь получается, что я бил своих на глазах у чужих.

И можно, конечно, начать слова говорить, мол, какие они мне чужие, вроде ж мои, моего капральства. И можно было вообще пытаться весь этот конфликт словами решить. Меня так все детство учили – все, мол, нужно решать словами.

Да только вот ведь какая закавыка. Чтобы словом можно было что-то решить – это самое слово должно вес иметь. Слово не должно само по себе висеть в воздухе. Оно должно быть альтернативой чему-то. Тогда да, тогда можно будет словом решать. А в этой ситуации что делать? Наябедничать кому-нибудь из офицеров и прогнать сквозь строй и правых и виноватых? Отличное решение, ага.

Сложно все это. И так плохо, и эдак плохо, и перешепты-

вания по углам.

Поэтому я начал по вечерам ходить в кухмистерскую, играть в кости с капралами. Давать отдохнуть ребятам. А еще я завел себе настоящий шпицрутен. И на следующее утро даже пару раз пустил его в ход. Белкин тогда еще посмотрел так насмешливо – мол, чего, молокосос, в начальника играешь, ща всех запорешь до смерти? Вай, баюс-баюс! И я, может быть, и сорвался бы. Если бы не одобрительный взгляд Семена Петровича, нашего бессменного «дядьки». Хорошо, что поручик Нироннен перевел его в мое капральство. С ним как-то спокойнее. Он мужик тертый, опытный. Не даст натворить совсем уж очевидных глупостей.

Да уж.

Спрашиваешь, как у меня дела, Ефим? Зачем спрашиваешь? Ждешь, что я начну жаловаться на своих солдат, на нищее хозяйство обеих артелей капральства, на безденежье, морозы, хреновое снабжение, свары в коллективе, просить помощи и поддержки? В другой раз, Ефим. Как-нибудь в другой раз.

Улыбаюсь радостно, протягиваю руку для приветствия и отвечаю:

– Нормально, крестный. Как сам?

Глава 2

Кафтанов – двенадцать штук, на каждый кафтан двадцать пять пуговиц, всего триста. Камзолов двенадцать, на каждый шестнадцать пуговиц, итого сто девяносто два...

Я сидел и заполнял имущественный формуляр для каптенармуса. То, чего мне не хватало для полного счастья. А не хватало мне... «Пуговиц штиблетных»... сколько их надо-то? Сверился с табелем о вещах в капральстве, щелкнул пару раз костяшками на больших деревянных счетах.

Моим шлиссельбургским сироткам нужны мундиры. Но учет и контроль – вещь такая. Нельзя просто написать – вот, мол, нужны мундиры, столько-то комплектов. Нет уж, будь любезен все имущество подробно распиши. Пуговицы каждого вида – отдельно, пряжки каждого вида – отдельно. Ремни, пояса, бляхи на сумку... Хорошо хоть аршины сукна на камзолы считать не надо... наверное. Если надо – то мне придется всю табель переделывать. А ротный каптенармус сейчас работает в режиме приема заказов. Большая полковая реформа привела к авралу по линии интендантов, у писарей всех уровней, от полкового до ротного сейчас тоже полный завал. Потому, если я хочу, чтобы мое капральство не ждало обещанного до морковкина заговенья, то надо бы немножечко облегчить и ускорить, так сказать.

Впрочем, заполнять ведомости и формуляры – это тоже

часть работы капрала. Это офицер может быть неграмотным, ему по штату писарчук положен. А нижним чинам личные писари не полагаются. Из-за этого, например, при производстве в капралы преимущество отдается грамотным. Да и вообще, в одном из наставлений сказано: правление капральства уподобляется правлению роты, а ротное уподобляется полковому и так далее. Поэтому теперь я в своей капральской сумке постоянно таскаю кучу бумаг: послужной, ранжирный и малый переключной списки, сокращенный строевой устав, табель о вещах в капральстве...

Прав был Ефим, когда говорил, что работа капрала сродни работе деревенского старосты. Казалось бы, самая младшая командная должность. Однако если капрал владеет только тростью и шпицрутенном, а перу не уделяет должного внимания – то у такого капральства могут начаться проблемы. За решением которых придется обращаться к ундер-офицерам. А эту дурость я всегда сделать успею.

Так что рисуй циферки, Жора, рисуй. Капрал – должность творческая, высокохудожественная. А для муштры можно своей властью назначить любого старого солдата мелд-ефрейтором и экзерцмейстером, самому же только щеки надувать и критику разводиться. В перерывах между написанием бесконечных цифр в формуляр.

Хлопнула входная дверь, и вместе с морозным облаком в комнатенку ввалился Федька Синельников, денщик поручика Нироннена.

– Жора, привет! – с одышкой говорит Федька. – Тебя Мартин Карлович к себе кличут!

– Ща в лоб дам! – спокойно отвечаю, не поднимая головы.

Федька еще летом пытался быть со мной запанибрата, когда я находился на излечении и замещал должность ротного писаря. И пробовал всячески угодить. Наладить, так сказать, отношения. Впрочем, в плане угодить – это Федька пытается проделать с каждым. И что-то угодить у него не очень-то получается, все равно постоянно шпыняют. Вроде до поры до времени смотрят на него благосклонно, а потом все равно бьют. Есть в нем что-то такое...

А ведь если так подумать, без лишних эмоций, то Федька выходит очень даже полезный человек. К примеру, чернила, которыми я пишу – его изготовления. Хорошие чернила, удобные. Не сильно жидкие, не сильно густые, в самый раз. Он их варит только для своих, хитрым образом смешивая сажу, водку и толченый сахар. Получается хорошо. Те, что продаются в городской канцелярской лавке, куда как хуже будут.

В общем, Федька пытается быть хорошим для всех и сразу. А сейчас так особенно. Потому как вопрос перевода в строй на данный момент подвис в воздухе. То ли переведут, то ли замнут, то ли переведут, но не всех... Вот он и шуршит, как электровеник, пытаясь оказаться незаменимым на своей должности при господине поручике. Вон, и как посыльный работает, и как денщик, а еще конюх, кучер, повар, прачка и

назойливый радиовыпуск вечерних гарнизонных новостей.

Но осаживать его надо. А то если близко к себе подпустишь – прилипнет, как жвачка к ботинку, так и будет таракать над ухом, пока в лоб не засветишь.

– В смысле это, как его... Господин капрал, тебя вызывает господин поручик. Велит немедленно явиться!

– Ну вот, другое дело! – одобрительно хмыкнул я.

Кто-то наверху услышал мои молитвы и сотворил мне легальный повод отдохнуть от рисования циферок. Все-таки писать пером – не самый быстрый процесс. Моя бабушка запрос в поисковик вбивала быстрее, чем я тут этой военно-складской каллиграфией занимаюсь. А она это делала одним пальцем, подолгу вглядываясь в клавиатуру.

Да и спина что-то затекла. Так что перо в сторону, пойду прогуляюсь.

Кстати!

– А чего это вдруг ты прибежал? – спрашиваю Федьку. – При роте же сейчас от моего капральства Никита вестовым стоит. Господин поручик мог и его отправить.

– Так это... – развел Федька руками, – оне же сейчас это, вот... А я как раз ничем не занят!

И лицом дергает, будто пытается подмигнуть.

– Понятно. Отлыниваешь под благовидным предлогом, – проворчал я и выпрямился. Ноги от долгого сидения на неудобном табурете изрядно затекли. Надо будет раздобыть где-нибудь меховую подстилку, что ли...

Надел кафтан, неспешно застегнулся. Бросил взгляд на исписанный наполовину лист. Как-то все-таки нехорошо бросать это все недоделанным. Пуговицы для шляп, на погон камзольный одна штука и прочие там пряжки башмачные вечером особо не считаешь, при свече писать – только глаза портить. Так что...

– Кирила! Поди-ка сюда!

В соседней комнате скрипнула скамейка, зашаркали башмаки по доскам пола и появился Белкин с недовольным лицом. Расправил плечи, изобразил вытягивание во фронт. Я уловил легкий запах перегара.

– Ты ж вроде хвастался, что грамоте обучен?

– Угу.

– Садись вот, заполни формуляр на сироток.

– Угу.

– Да не угукай, филин! И без тебя знаю, что это интендантские писарчуки делать должны. А морозы грянут – чувством собственной правоты греться будешь?

– Угу, – снова гукнул Белкин, сел за конторку и с презрением уставился на перо.

– В общем, вот список того, что в наличии, вот – что должно быть по штату. Разницу сосчитай и впиши сюда. Вернусь – отнесу всю эту макулатуру к каптенармусу. Усек?

– Угу. А это на весь день, или потом еще приказания будут?

Это он с насмешкой или всерьез спрашивает?

– Ты, главное, успеешь до темноты. А там видно будет.

– Угу.

Как дал бы! Но нет, он на меня уже не смотрит, взял в руки перо и внимательно изучает списки. Гляди-ка, и правда грамотный!

Ну вот и славно. Давай, brutальный мачо с прокушенной щекой, принеси немножко пользы капральству. А я пойду, разомну косточки в сторону Довмонтова города, где в Приказных палатах расположилось правление нашего батальона и всех его четырех рот.

Перед выходом крикнул в сторону лежащего на деревянных нарах старого солдата:

– Семен Петрович! Я к ротному. Побудь снова мелд-ефрейтором, ладно? Как ребята отобедают – Степана поставь над ними экзерцмейстером. Нечего попусту время терять.

* * *

Снег хрустел под ногами. Я шел широким, размашистым шагом по протоптанной в снегу тропинке, рядом семенил Федька, все время пытался поравняться со мной, но постоянно сбивался с ноги. Тропинка узкая, по натопанному рядом со мной не уместиться, он то и дело проваливается в сугробы или спотыкается об укрытые снегом кочки. Но Федька готов пойти на такие муки ради еще одной порции полковых сплетен.

– Там вчера вечером к господину полковнику княжич из Новгорода приезжали. Сын губернатора Черкасского. О чем-то они там поговорили, и полковник прямо-таки в бешенство пришел, представляешь! Ругался на чем свет стоит!

– Сам слышал, что ли?

– Ну сам не сам, ребята сказывали, что в полковом учреждении в карауле стояли. Опять же, как княжич уехал, так господин полковник собрал господ майоров и ротных командиров. И уже на них ругался. Да так яростно, будто зверь дикий, веришь ли?

Пожимаю плечами.

– Ну. А мне что с того? Где господин полковник – и где я!

– Так я ж объясняю! Когда господин капитан Нелидов отсюда, от господина полковника пришел – злой был очень. И нашему Мартину Карловичу, значит, взялся высказывать. Вот, мол, разболтались мы тут совсем. Надо, мол, порядок навести.

– Ну так навел бы. Что, руки отсохли? Забыл, с какой стороны за метлу браться?

– Да не, я ж не в том смысле! В этом-то у меня все нормально, ты же знаешь. Все чистенько, прибрано, сверкает! Я о другом! Ну это...

Федька споткнулся в очередном сугробчике и приотстал. Вот и славно. А то ж он сейчас за эту порцию сплетен потребует ответную. Ему ж, блин, все интересно!

– Жора! Господин капрал! – запыхавшимся голосом кри-

чит он мне вслед. – А что с Сашкой случилось? Говорят, побили его!

Поздно, любезный. Я уже дошел.

У белого каменного двухэтажного дома, что стоял у самой крепостной стены, было многолюдно. В дальнем флигельке обитали каптенармусы, у Смердьей башни, которая была совсем рядом с Приказными палатами, был оборудован склад, там же неподалеку разместились полковые мастерские. С парадного входа в доме есть широкая лестница на второй этаж, там обитает командир батальона майор Небогатов и его ротные. У входа зябко переминаются с ноги на ногу двое солдат. Капральства всех рот раскиданы по разным домам по всему Крому и Довмонтову городу, потому от каждого из них сейчас присутствует по одному солдату в качестве вестовых – для связи, и одна целая дюжина для несения караульной службы.

Те солдаты, что не заняты работами на складе или в мастерских, отдыхают в доме, в крыле для прислуги. Греются. Некоторые сидят в комнате истопника, курят трубки и дуются в карты.

Квартира Мартина Карловича находится там же, с задней стороны дома. Он не гордый, его не особо коробит, что в его квартиру с черного входа попадать надо. Зато сейчас там теплее, чем в барских помещениях. Да так и к хозяйству поближе.

Во дворе ротные возницы и денщики ковыряются с теле-

гами, готовят их к сезону. По зимнему времени сани – это, конечно, хорошо. Но зима скоро кончится, и телеги должны быть готовы к многомесячному ралли по грязевым дорогам. Не знаю, что они там делают, но явно что-то нужное и трудоемкое. Вон, все взопревшие, по земле разбросана свежая стружка, сильно пахнет дегтем.

Деготь – это такая местная смазка. Сначала я думал, что это просто сажа от березовых дров. Как бы логично предположить, что если деготь добывают углежог, значит, это сажа, да? Оказалось, что не все так просто. Местные – ребята домовитые и экономные, тупо сжигать ресурс – не в их правилах. Да и профессия углежог – это не то же самое, что истопник. Углежог здесь выполняют роль химкомбинатов из моего времени. В районе Пскова углежог из березы добывают березовый деготь, древесный уголь, канифоль, поташ, скипидар... Еще углежог поставляют бочками сосновую смолу и сосновый деготь, похуже сортом. Деготь используется как смазка, пропитка для деревянного бруса, клей и много чего еще. Из дегтя местные умельцы даже мыло делают. Универсальное сырье, в общем. По значимости – примерно как нефть в мое время. Основа основ, база местной экономики.

А я сначала думал, что это просто местные коптильни для рыбы так странно оборудуют. Еще обратил внимание – что-то уж очень большие коптильни делают. А оказалось, что это не коптильня, а яма углежога. И пахнет она одновременно и

как железнодорожная станция, и как химкомбинат.

В общем, во дворе кипела работа. Обоз у нас большой, одних только ротных повозок почти два десятка, не считая офицерских. А со всех рот да плюс батальонные – уже серьезно так за сотню телег будет. В общем, возницам и мастеровым до весны времени впритык.

Обошел работающих сторонкой, вдоль стены дома, чтобы не мешать. Добрался до черного входа. Спросил стоящего в карауле солдата, указывая на дверь:

– У себя?

Тот кивнул:

– Мартин Карлович у себя. А этот, – неопределенный кивок вверх, – недавно отбыл куда-то. Наверное, теперь до утра не появится.

Этот. Ну да, «этот». Рота пока еще не решила, как относиться к назначенному командиру. Потому между собой мы его даже по имени стараемся не называть. Нет какого-то понимания, кто он: капитан, господин Нелидов, Алексей Андреевич, Алешка, Андреич или еще как. Так что пока он у нас – «этот».

Потянул на себя дверь, вошел в тесные сени. Пару раз шумно топнул, отряхнул от снега башмаки и штиблеты. Открыл следующую дверь. Приветственно махнул рукой солдатам, что сидели за столами в просторном зале, и пошел прямо, к комнате Нироннена.

Двери у комнатки нет. Это как бы приемная. Есть боль-

шой стол, деревянное кресло для господина поручика, колченогий табурет и несколько длинных скамей вдоль стен для всех остальных.

Постучал согнутым пальцем по дверному косяку. – Разрешите?

Поручик Нироннен и его неизменный спутник ундер-офицер Фомин занимались своим любимым делом – пили чай. Все никак не привыкну, что чай здесь не рассыпчатый листовый, к которому я привык дома, а плиточный. Спрессованные плитки чая привозят не морем из Англии, а напрямик с китайских ярмарок через всю Сибирь. И фунт чая здесь не объемистый пакет байхового листового, а лишь несколько пачек плотно спрессованных плиток. А еще так очень удобно рассчитывать порцию. Делов-то – одна плитка на заварочный чайник.

Фомин заметил, как я пялюсь на чайник, налил в пиалу – настоящую фарфоровую, а не глиняные кружки, какие в ходу в здешних кухмистерских, – бросил вопросительный взгляд на Нироннена, дождался его одобрительного кивка и сказал:

– Проходи, садись. На вот, согрейся.

А я и правда замерз, надо же. Хотя на улице был всего ничего. Сколечко тут идти-то от моего дома до ротной управы! Да уж, поскорей бы пошили форменные кафтаны моим. А то околеют в драных армячках-то! Мне простудные заболевания в капральстве не нужны. Грипп и ангина здесь – се-

рьзные болезни. Не говоря уж о смертельно опасном воспалении легких.

Стянул с рук перчатки, сел. Пиала приятно согрела руки.

Любят они с Фоминым вот так вот. Вызвать и молчать некоторое время. То ли для солидности, то ли у них мысли медленно прогружаются. По доброй традиции перед тем, как дать мне задание, ради которого они меня и вызвали, сначала за что-нибудь сделают нагоняй, к гадалке не ходи.

И точно. Нироннен кивнул Фомину, и тот начал:

– А скажи-ка нам, капрал Серов! Что у тебя там с солдатом случилось, что он в лазарет попал?

– С лестницы упал, – ответил я не моргнув глазом.

– Ага, с лестницы, значит. – Фомин не улыбается. Лицо серьезное, как у каменного истукана. – А второй, который из новеньких. Он тоже того, с лестницы?

– Точно так, господин ундер-офицер. С лестницы. Фомин посмотрел на Нироннена и хмыкнул:

– А что у него отметина такая на щеке, будто его укусил кто?

Я пожал плечами:

– Случайность. Так-то он когда падал – умудрился лицом по перилам прокатиться, вот заноз и нахватался. Выковыривали потом весь вечер. Крыльцо какой-то криворукий плотник сколачивал. Велел ошкурить, чтоб гладенько было.

– Вот как, значит. Занозы. И так ровненько, полукругом... Ну ладно, допустим. И долго еще у тебя солдаты будут с лест-

ницы падать?

– Не могу знать. Приказал лед весь отбить, крыльцо и прилегающие к квартирам дорожки посыпать песком. Но зима длинная, мало ли что еще приключиться может. Вот если бы интендантские службы поскорее кафтаны моим новичкам построили, то я бы мог экзерцировать сразу обоими дюжинами. Тогда и навыка хождения по скользкому у солдат станет больше. Глядишь – и падать перестанут.

Поручик Нироннен улыбнулся своими тонкими губами и хлопнул ладонью по столу.

– С солдатом вроде разобрались. Так, Александр Степанович? – Фомин усмехнулся и согласно кивнул. Нироннен продолжил: – Теперь к делу. Ты солдата Кривича когда с излечения собрался забирать?

Я развел руками:

– Ерему-то? Так говорят, он уже поправился. Можно хоть сейчас. Я уже поднимал этот вопрос. Вон, у Александра Степановича спросите. Мы на посиделках, там, у этого каличного обсуждали, как это вообще принято делать.

Нироннен кивнул и продолжил:

– Понятно. Смотри, какая ситуация складывается, Жора. Ты у нас парень простодушный, потому я тебе прямо скажу, как есть, без всяких там этих. В общем, Архипом и его «обществом» сейчас сильно недовольны. Денег они собрали сумму немалую, а отдачи с того – шиш да маленько. По традиции, знаешь ли, «общество» собирает деньги как раз для

того, чтобы ухаживать за ранеными и увечными солдатами. Во время войны, к примеру, так было и у нас там, и здесь тоже. А тут сейчас что? – Нироннен недовольно поморщился. – Люди Архипа говорят – мол, раз господин майор Стродс солдата Кривича на лечение в Печорский монастырь определил – пусть он с этим и разбирается. Мы, мол, тут ни при чем. Или вот твой этот солдат. Там ему лекарь мазь назначил от вывихов. Говорит, плечо помазать недельку и будет здоров. Так Архиповы молодцы отвечают: это, мол, не боевое какое ранение, в бою во славу государыни полученное, а обыденное. Потому, мол, пусть мазь покупает артель этого солдата.

Я удивленно вскинул брови. Не сказать, что я был действительно удивлен. К Архипу у меня с первой встречи было некоторое предубеждение. Уж очень такие замашки у мужика... цыганские, что ли? Обозначаю свою позицию вслух:

– Нормально так мужики коммерцией занялись! А не жирно им будет, Мартин Карлович? У нас в полку четыре сотни сироток раздетых, а эти... Небось, перед самым выступлением полка спишется по увечью и исчезнет со всей кассой. Может, он уже с дружкой-то своим договорился кабачок открыть или еще что!

Фомин поморщился. Нироннен бросил на него взгляд, повернулся снова ко мне и продолжил:

– Ну, такими-то словами ты попусту не бросайся! Это пока еще только твои предположения. Но то, что «общество»

в эту зимовку занимается мироедством, а не помощью – это не один я заметил, знаешь ли. Так вот слушай дальше. Полковнику нашему, Вильгельму Францевичу, вчера знакомец твой, Петр Петрович Черкасский, сообщил список людей, которых бы желал произвести в офицеры. А Генрих Филиппович Стродс, квартирмейстер наш, уведомил, кого на освобожденные места «общество» хочет видеть ундер-офицерами. Полковник уже тогда был на взводе, а от заявления Генриха Филипповича и вовсе взорвался.

– Генрих Филиппович так-то большой дипломат, – удивился я. – И чтобы он вот так запросто сказал полковнику, что какой-то солдат уже решил, кому в его полку быть капралом?

– Верно мыслишь, Жора. Мне тоже думается, что господин секунд-майор не случайно использовал подобные грубые оговорки. Я так думаю, что наш квартирмейстер решил под шумок реформации полка всю эту солдатскую вольницу за мошну потрясти. А то и вовсе под свою руку принять.

Пожимаю плечами:

– Не очень понимаю, при чем здесь я.

– Да так-то ни при чем. Просто в курс дела ввожу, что да как, – Мартин Карлович посмотрел на меня в упор своими синими глазами: – Возьмешь шестак солдат и сегодня же выдвинешься в Печоры, сопровождать нашего ротного каптенармуса. Он там с монастырскими расторгнется кое-чем, а ты нашего солдата, Кривича, с собой заберешь. Ну и заодно

посмотри, может, беглых солдат по деревням где поймаешь. Приказ вышел, ежели беглый солдат попадетя – то сдавать такого на гарнизонную службу. А взамен нам с гарнизонов обещают перевести других, один за одного. Лучших солдат обещают. Ну это уж как водится.

– А много их, беглых-то?

Нироннен пожимает плечами. Вместо него отвечает Фомин:

– На удивление мало, Жора. В иные зимы и поболее бывало. А так – у нас в полку вообще ни одного. В Лифляндии, говорят, со всей армии около сотни недосчитались. Да и то неясно, беглые ли или просто фуражные команды в зимнем лесу сгнули. Разве что Киевский кирасирский... Но про них пока только слухи всякие и ничего толком.

Нироннен встал из-за стола, парой движений отряхнул штаны, взял со стола свернутую в рулончик цыдульку и протянул мне:

– Собирайся. В полдень тебе надо выступить, чтобы успеть до станции затемно добраться. Каптенармуса, ундер-офицера Рожина, вместе с санями встретишь у Смердьей башни. Они сейчас там как раз грузятся. И это... Покумекай с Ефимом да вон, с Александром Степановичем. Пока господин полковник шуметь будет да с вольницей бороться – не надо вам у Архипова дружка столоваться. Найдите себе другое место для вечерних посиделок. Например, на немецком берегу где-нибудь. Мало ли кухмистерских во Пскове?

Уже через четверть часа я снова был в своем капральстве. В комнате сильно пахло перегаром. Семен Петрович и Белкин спали вповалку на нарах беспокойным пьяным сном. И когда только успели? Я же отсутствовал немногим больше часа!

И ведь Белкин наверняка же, скотина такая, формуляры не заполнил! Ну вот и появился легальный повод всыпать ему палок. Ну-ка!

Подошел к столу, посмотрел на сохнувшие листы бумаги, прижатые по углам камешками.

Ведомость была только одна: вещей, что положено по штату. Формуляра с недостающими вещами не было. А на скамейке у стены стояли аккуратные берестяные коробейки, наполненные пуговицами разных размеров и пряжками. Рядом лежали несколько туго свернутых рулонов зеленого и красного сукна.

Заглянул в соседнюю комнату. Ну точно. Вон под столом стоит пустой квадратный штоф водки. Видимо, эти двое всю бутылку и уговорили. Степан-то вон, во дворе все капральство экзерцициями мучает.

М-да. Формально получается, не за что мне Белкина пороть. Задание он выполнил, бумагу заполнил. А вот откуда... Что, я ему еще теперь и спасибо говорить должен? Не до-

ждется. Палок не всыплю – вот и вся награда.

Не знаю, чего меня так зло разобрало? Ладно, надо забрать со двора шестак ребят, собраться и выступить.

Глава 3

Люди каптенармуса Рожина грузили несколько саней различным скарбом, а белый то ли от мороза, то ли от злости секунд-майор Стродс импульсивно тыкал стеклом по желтоватому листку в своей планшетке и что-то выговаривал тучному каптенармусу. Когда я подошел, Стродс жестом отослал Рожина к саням и махнул стеклом в мою сторону:

– Эй, капрал! Подойди-ка сюда!

Я кивнул шедшему за мной шестаку, отправляя их на помощь возчикам, подошел к господину майору и вытянулся во фронт.

– Отойдем-ка, не будем людям мешать, – Стродс сделал несколько шагов к стене башни и повернулся ко мне, – Помнишь, сколько отсюда до Печор?

Я пожал плечами.

– По осени за день добирались. Но то на телегах. На санях, я думаю, побыстрее выйдет.

– Верно. То есть запас по времени у тебя есть. Значит, слушай, что надо сделать. – Стродс выдохнул сквозь зубы, выпуская облачко пара, и понизил голос: – Ну, во-первых, вот, возьми этот конверт. Если Рожин с монастырем нормально расторгнется – попробуешь эти векселя у церковников сменить на монету. Один, без Рожина. Он по другой части, с другими людьми меняться будет. А во-вторых... Будешь за-

глядывать по пути в деревеньки да усадьбы. Посмотришь, есть ли у кого отставшие от конных полков на излечении. Если излечились – поможешь добраться сюда, во Псков. Также будет хорошо, если словишь сколько-нибудь беглых. Хотя бы пяток наберешь – отлично. В Печорах сменяешь на тамошних ландмилиционеров. Вот тебе список с рескрипта, по которому беглые направляются в гарнизонные роты и в ландмилицию. Оно понятно, что речь-то в рескрипте о беглых крестьянах, но тут, как видишь, его сиятельство не уточнял. Так что ты дураком прикинься да права качай. Это ясно?

Неясно, конечно, но...

– Так точно!

Стродс недовольно поморщился.

– Если получится наловить беглых, то ландмилиционеров у церковников бери таких, знаешь... злых. Которым там тесно, которые копытом землю роют. Их таких легко найти, в зимнее время их все время наказанными держат. Ясно? Так, теперь дальше. Возьми с собой бумагу, да в пути пометки делай. Какая дорога, постоянные дворы, где какие мосты, деревеньки, где материалы да фураж в дорогу брать. Когда полк выдвинется, рота господина Нелидова головной пойдет. Стало быть, для себя дорогу разведываешь. Потом Нироннени это все покажешь, он тебя научит, как правильно маршевые листы составлять. Это понятно?

Ну... понятно, наверное. Делаю уверенный кивок. Парадный, касаясь подбородком шейного платка. Стродс при-

стально посмотрел мне в глаза и продолжил:

– Хорошо. Записывай все внимательно, бумаги не жалея. Сам понимаешь, если наш полк на марше развалится, как Киевский кирасирский на Рождество – мало никому не покажется. Нам подарили лучшую зимовку во всей армии, и явиться в армию полк должен таким, чтобы не было стыдно перед генералом Лопухиным. Василий Абрамович должен видеть, что не зря для нас старался. Вот, держи, – Стродс вытащил из поясной сумки лист, быстро свернул его в трубочку и ловко перехватил бечевой, – это тебе напоминание, что следует в пути примечать. Внимательно изучи и делай все, как тут написано. Вопросы?

– Это ж сколько времени уйдет, ваше благородие! За день могу не обернуться!

Стродс тонко улыбнулся и сказал:

– А вот в этом и состоит твоя главная задача, Серов. Выходите сегодня, тотчас же, и во Пскове тебя не должно быть самое меньше три дня. Три дня, капрал! А лучше даже и все четыре. Это понятно?

Не понял. А это зачем? Ладно, потом разберемся. Вытягиваюсь и киваю:

– Так точно!

Стродс посмотрел куда-то поверх моей головы. Спросил вкрадчиво:

– Скажи-ка, Серов, не случилось ли последнее время что-нибудь необычное по части снабжения?

Я пожал плечами.

– Вроде с мундирами для сироток дело сдвинулось с мертвой точки. Вот, буквально полчаса назад материалы на мундиры появились. Проверить не успел, но вроде бы выдали все, что выписывал.

Стродс кивнул.

– Очень хорошо. Три дня, Серов. Думаю, мне этого хватит. Вопросы есть?

Да он надоел одно и то же спрашивать. Волнуется, что ли? Вряд ли. Наверное, просто подготовил какую-то умную начальственную шутку и хочет ее ввернуть в поучительных целях. Ну ладно, мне не жалко. Коли так хочешь – шути, начальник.

– Так точно, есть! – И глаза немного выкатить, чтобы поглупее выглядеть.

Ага, я угадал. Стродс удовлетворенно хмыкнул, хлопнул стеклом по перчатке и язвительно произнес:

– Это хорошо, что вопросы есть. Порасспросишь елки по пути. И им не скучно, и тебе полезно.

Ну да, ну да. Ты начальник, я дурак, что ж непонятного-то? Субординация!

* * *

Снег скрипел под полозьями саней. Пыхтела крупная мохнатая лошадка – близкий родственник чуда отечественного

автопрома, воронежского битюга. По словам возницы, эти самые битюги – чудо, а не лошади. Породу выводят специально для нужд армии повелением графа Шувалова, и, по слухам, через пару-тройку лет они придут в войска. И вот тогда у всех интендантских служб наступит райское житье. Если судить по словам возницы, эти будущие кони могут такое, что решат все проблемы с доставкой грузов. Они и в холод, и в жару, и в грязи хороши. Ну прямо как КамАЗы в моем времени. Хорошо, если так. По правде говоря, я в тонкостях извоза и коневодства не силен. Хотя для себя подметил: это, пожалуй, первый случай, когда при мне про графа Шувалова было сказано что-то хорошее.

Я сидел, закутавшись в шерстяное одеяло, и делал карандашом заметки на листе. Все, как написано в предоставленной мне шпаргалке. Интересный такой документ. Явно переписан десяток раз с других списков, с кучей орфографических ошибок, к которым я уже привык, но весьма полезное чтиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.